УДК 391

А. А. Бадмаев

Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: badmaevaa@ngs.ru

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЖИЛИЩНО-ПОСЕЛЕНЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ КУДАРИНСКИХ БУРЯТ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА *

Предметом исследования являются изменения, произошедшие во второй половине XIX – начале XX в. в поселениях и жилищах кударинских бурят, одной из этнотерриториальных групп бурят. Источниками для исследования послужили архивные и литературные сведения, прежде всего материалы из фонда «Кударинская степная дума» Национального архива Республики Бурятия, хронологически относимые ко второй половине XIX столетия. Показано, что на развитие жилищно-поселенческого комплекса у кударинских бурят повлияло землетрясение 1862 г., приведшее к исчезновению части улусов и заметной миграции населения. В жилищно-поселенческом комплексе данной группы бурят прослеживаются тенденции, в изучаемое время также характерные для некоторых этнотерриториальных групп бурят Предбайкалья и Западного Забайкалья. Общим было то, что по достижении определенной численности в крупных улусах происходило отселение части населения, которая образовывала дочерние поселения. В течение второй половины XIX – начала XX в. в структуре поселений у кударинских бурят преобладали небольшие населенные пункты. Автором доказывается, что рост числа бревенчатых юрт был обусловлен потребностью в скорейшем решении жилищной проблемы после землетрясения, в то же время к строительству домов подтолкнула массовая христианизация кударинских бурят. Новыми явлениями в развитии поселений были возникновение заимок, использование уличной планировки во вновь образованных улусах, рост числа строений религиозного и общественного назначения.

Ключевые слова: Байкальский регион, буряты, этнотерриториальная группа, кударинские буряты, трансформация, жилищно-поселенческий комплекс.

Проблемы расселения этносов и развития их поселений и жилищ продолжают вызывать неподдельный интерес у отечественных исследователей. Свидетельством тому является выход в последние годы публикаций, посвященных данной теме. При этом особое внимание уделяется изучению локальных вариантов жилищно-поселенческого комплекса (см.: [Басаева, 1993; Тучкова, 1999; Титов, 2008] и др.). Автором также были проведены исследования по трансформации в XIX – начале XX в. поселений и жилищ у отдельных групп бурят [Бадмаев, 2012]. Однако изыскания, касающиеся изменений в жилищно-поселенческом комплексе кударинских бурят в период второй половины XIX – начала XX в., еще никем не производились. Ввод в научный оборот результатов таких исследований может существенно помочь в воссоздании одной из важных страниц истории трансформации жилищного комплекса у бурятского народа.

В основу нашего исследования легли, главным образом, архивные материалы из

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки РФ: НИР 6.1541.2011 «Особенности этнодемографических процессов в Сибири в эпоху палеометалла»; соглашение № 14.B37.21.0007 «Основные особенности миграционных процессов на территории Северной Азии в эпохи камня и палеометалла».

© А. А. Бадмаев, 2013

фонда 5 «Кударинская степная дума» Национального архива Республики Бурятия, которые были дополнены литературными данными, в частности опубликованными статистическими материалами из работы С. К. Патканова [1912].

Формирование этнотерриториальной группы кударинских бурят началось с переселения в конце XVII в. представителей некоторых эхиритских родов из Верхоленья и Западного Прибайкалья на юго-восточное побережье оз. Байкал. Позднее к ним присоединились выходцы из других родовых подразделений, относящиеся к булагатам, западно-монгольским и небольшим западно-бурятским этническим сообществам. По данным на первую половину XIX в., в ведомстве Кударинской степной думы проживали представители четырех родов – Абазаевского, Сборного, а также Первого и Второго Чернорудских. Надо заметить, что территория, которую заняли переселенцы (прибрежные степи между руслом Селенги и хребтом Улан-Бургасы), лежала на пути естественного ледового перехода через Байкал, проходившего также мимо о. Ольхон. Исторически этот зимний мост, соединявший на время два берега озера, позволял поддерживать этнокультурные и торгово-экономические связи между населением Предбайкалья, Прибайкалья и Западного Забайкалья. Так было и в Средневековье, и после включения Байкальского региона в состав России.

Природно-экологическая ниша, которую освоили кударинские буряты, не потребовала существенной перестройки их хозяйственного уклада. Как и на месте выхода, они продолжили ведение многоотраслевого хозяйства, основой которого являлось скотоводство, связанное с разведением рогатого скота (крупного и мелкого), лошадей. Близость горно-таежной зоны располагала к сезонной пушной охоте, а рост товарного значения рыболовства, который происходил с увеличением населения региона, подтолкнул их к активному занятию рыбным промыслом.

Во второй половине XIX столетия оседлые буряты не представляли сколько-нибудь значимой величины в составе кударинских бурят: в 1870 г. в ведомстве наличествовало 19 оседлых (0,4 % кударинских бурят); в 1886 г. – 22 (1 %), но в 1889 г. их доля упала в общей структуре населения – 25 чел. (0,5 %). Заметим, что почти все они были жителями поселения, где находилась Степная дума – первоначально Хараузского селения (в 1866 г. их было 21 чел.), позднее – только что образовавшегося селения Корсаковское, с 1871 г. ставшего новым местом пребывания Думы (по данным за 1876 г., в этом поселении имелось 6 дворов и 19 чел. оседлых). Вероятно, что по сугубо экономическим причинам произошло переселение большинства оседлых из одного населенного пункта в другой.

Тяжелым ударом, сказавшимся на нормальном развитии жилищно-поселенческого комплекса, было мощное землетрясение 12–14 января 1862 г. на оз. Байкал, вызвавшее опущение значительного участка суши и затопление его озерными водами. В результате этого тектонического сдвига буряты потеряли часть своих угодий (5 695 дес. 2 152 саж. [1]), под воду ушли 141 дом и 312 юрт [2]. В 1862 г. в ведомстве осталось 107 домов и 1 307 юрт [3]. Пострадали представители двух кударинских родов – Абзаевского и Второго Чернорудского. По истечении четырех лет после этого природного катаклизма документы фиксировали, что 1 048 чел. (22,7 %) кударинских бурят, потеряв жилье, были вынуждены скитаться по родственникам [4]. В дальнейшем, осознав невозможность ведения прежнего хозяйства, часть кударинцев предпочла мигрировать в соседние бурятские ведомства. Например, в 1876 г. в Хоринском ведомстве (улусы Еравна и Кижинга) жили 42 кударинских бурята Абазаевского рода [5]. Как свидетельствуют документы, миграции происходили и в последующем, иногда принудительно – по решению Забайкальской областной администрации.

Надо отметить, что власти и православная церковь по-своему пытались использовать критическое положение бурят. Например, военный губернатор Забайкальской области издал в марте 1862 г. Положение о наделении 15 десятин земли и выделении подъемного пособия в 100 руб. при переходе кударинских бурят от «кочевой жизни к оседлой», которое, правда, не получило

[1] НА РБ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 478. Л. 20.
[2] Там же. Оп. 1. Д. 790. Л. 69.
[3] Там же. Д. 749. Л. 57.
[4] Там же. Д. 804. Л. 45.
[5] Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1033. Л. 6 об.

поддержки у адресатов, не пожелавших менять свой образ жизни. Успешнее действовали православные миссионеры, которые смогли убедить большое число бурят в том, что землетрясение было ниспослано им как божье наказание, и окрестили их. Если в 1858 г. подавляющее большинство бурят (4 407 чел., т. е. 96,3 % кударинцев) ведомства были шаманистами, то в 1876 г. крещеных насчитывалось 1 475 чел. (38 %) [6].

Экономическими последствиями землетрясения, после которого произошла череда ежегодных наводнений и падеж скота в 1870 г., были заметный упадок скотоводства, земледелия и ряда промыслов (извозный, охотничий), окончательное превращение рыболовства в основное занятие кударинцев.

Природная катастрофа повлияла и на динамику развития поселений. Если в 1856 г. в ведомстве имелось 29 поселений, то в 1865 г. их было зарегистрировано только 19 (Хараузское селение и 18 улусов). Однако позднее, по данным 1876 г., количество населенных пунктов в Кударинском ведомстве значительно выросло – до 40 (Корсаковское селение и 39 улусов). На данном этапе процесс зарождения новых улусов подстегивался наличием большого числа бездомных, желавших скорейшего обустройства. На момент фиксации новообразованные улусы не имели собственных названий, их обозначали, указывая принадлежность насельников к конкретным кударинским родам. Примечательно, что после переселения оседлых в Корсаковское селение Хараузское перестали считать селом, и оно получило статус улуса, что символизировало изменение состава его обитателей (стало местом пребывания только полуоседлого населения).

В 1888 г. кударинские буряты проживали в 3 селах (Корсаковское, Часовенский остров – бывший Часовинский улус, и Дуланское) и 36 улусах. По данным переписи 1897 г. [Патканов, 1912. С. 658–660], количество сел уменьшилось до двух (Корсаковское и Дуланское), селение Часовенский остров более не числилось в списках населенных мест ведомства; при этом улусов стало больше – 42.

Согласно данным 1865 г., в одном поселении в среднем имелось 28 дворов и проживало 187 чел. (в одном дворе – 7 чел.). Перечень населенных пунктов ведомства показывает, что наилучшие жилищные условия были в административном центре – селе Хараузском (2,9 чел. на двор), хуже всего дело обстояло в таких улусах, как Хырылдэевский (10,5 чел. на двор), Нижне-Хамнаевский (8,3 чел. на двор), Нохойорокский и Харятаевский (по 8 чел. на двор). Поскольку около половины населения с. Хараузское составляли оседлые, можно заключить, что эта часть бурят имела более комфортные жилищные условия, чем полуоседлое большинство. Действительное положение, конечно, было намного хуже, учитывая, какая масса бездомных бурят появилась в ведомстве вследствие землетрясения.

Поселения распределялись по числу дворов и проживавшему в них населению в упомянутом выше году следующим образом: имевших от 12 до 20 дворов было 7, от 21 до 35 дворов – 8, от 36 до 50 дворов – 3, свыше 51 двор – 1. Самыми крупными на то время являлись Часовинский (416 чел.), Хандалинский (378 чел.) и Идыге-Мохоевский (321 чел.) улусы, а наименее населенным был Мангличеевский улус (74 чел.) [7].

По прошествии 11 лет показатели изменились: поселений, имевших до 11 дворов, оказалось 14, от 12 до 20 дворов – 12, от 21 до 35 дворов – 9, от 36 до 50 дворов – 4, свыше 50 дворов – 1. В число наиболее населенных вошли Твороговский улус (260 чел.), улус Барун Хамнай (210 чел.) и Дуланский (196 чел.). Эти структурные сдвиги свидетельствуют, во-первых, о появлении в указанный период большого числа новых, еще малонаселенных поселений, во-вторых, о трансляции почти неизменной пропорции среди старых поселений, имевших больше, чем 20 дворов, в-третьих, о серьезном оттоке населения из ранее крупных поселений и об уменьшении в целом размеров поселений, которые условно можно было назвать крупными.

Любопытно, что около половины прежних улусов вовсе исчезли из списка населенных мест за 1876 г. Вероятно, здесь имело место их переименование, хотя это было мало вероятно для бурятской традиции того времени. Примером может послужить произошедшее переименование Верхне-Хамна-

[6] НА РБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1033. Л. 6 об.

[7] Там же. Д. 804. Л. 45.

евского улуса в улус Барун Хамнай, а Нижне-Хамнаевского – в улус Зун Хамнай. Если бы прежние русифицированные названия этих поселений были заменены соответствующими словами из бурятского языка, вопросов не возникало бы. Но на деле названия улусов стали иными: *баруун* – ‘правый, западный’, *зуу*(*н*) – ‘левый, восточный’ [Бурятско-русский словарь, 1973. С. 90, 270].

В 1876 г. в среднем в поселении проживало 75 чел., что было намного меньше, чем в 1865 г. Корреляция между бревенчатыми юртами и домами, в основном, была в пределах 1–2-х юрт к 1 дому (были лишь 4 улуса, где количество юрт и домов совпадало). Случаи, когда соотношение между числом юрт и домов было больше чем 2 : 1, обнаруживаются в 8 населенных пунктах (в Боройском улусе оно даже достигало 5 : 1, еще в трех улусах – 2,5 : 1). Фиксируется единственный улус – Олостойский, в котором соотношение было обратным (0,6 ед. юрты к 1 ед. дома). Заметим, что к этому времени ситуация с жильем несколько стабилизировалась, и в одном дворе оценочно проживало 5 чел.

Во второй половине XIX в. становился очевидным переход от однородового состава населения улуса к смешанному, формируемому из представителей двух и более родов. Подтверждение находим при рассмотрении данных за 1876 г.: поселений, жители которых принадлежали к одному роду, было 12 (30 % от всех поселений); имевших представителей двух родов – 17 (42,5 %); трех родов – 8 (20 %); четырех родов – 3 (7,5 %).

В конце XIX в. на постоянное жительство в бурятские поселения стали переселяться лица других национальностей (например, в 1891 г. среди кударинских бурят жили 43 чел. татар и 1 еврей) [8].

Судя по архивным источникам, многие поселения находились поблизости от рек (Селенги, Шарауза и Харауза), единственным оказавшимся непосредственно на берегу оз. Байкал, точнее у нового сора Провал, образовавшегося на месте опустившейся в воды озера Цаганской степи, был улус Дуланский.

Многие летники кударинских бурят располагались на богатых сенокосом островках (Средне-Устьевский, Малый и Большой Ширетуй, Грязный и Березовский) в устье Селенги; до них обычно добирались на лодках.

В конце столетия состоятельная часть бурят стала заводить, помимо летников и зимников, еще и заимки.

Еще одной новацией, проявившейся к началу XX в., была уличная планировка в ряде улусов. Теперь в пределах одной усадьбы размещались зимнее и летнее жилища [Кроль, 1896. С. 14]. Данное явление отмечалось нами и относительно предбайкальских и селенгинских бурят. Оно также вызывалось малоземельем (часть кударинцев была вынуждена арендовать землю у русских крестьян соседних волостей) и еще не утраченной привычкой к сезонной смене жилища.

Примерно с конца 40-х гг. XIX в. Степная дума перешла от практики содержания одного общего для всех кударинских бурят экономического магазина к созданию отдельных магазинов для каждого из четырех родов. При этом здания магазинов, как и ранее, концентрировались в административном центре ведомства (до июня 1871 г. в Хараузском селении, потом – в Корсаковском).

Вслед за переносом Степной думы постепенно перевозились на новое место и другие общественные здания. Кударинская бурятская приходская школа, открытая в 1851 г., позднее переименованная в училище, переехала туда в 1875 г. Надо заметить, что к началу XX в. открылись еще два учебных заведения начального образования: Дуланская церковно-приходская школа, существовавшая при Часовенском миссионерском стане, и Хандалинская.

При Степной думе были выстроены тюрьма, сарай для пожарных инструментов и ледник. По сравнению с первой половиной столетия прибавилось количество кузниц (в 1870 г. их было 20, в 1888 г. – 24). Часть из них выполняла не только производственную, но и сакральную функцию (их владельцами, как правило, были представители дарханских родов, поэтому в них совершались различные обряды и жертвоприношения). Усиленная христианизация сопровождалась строительством новых церквей. Всего на территории Кударинского ведомства действовали три церкви деревянной постройки (во имя апостолов Петра и

[8] НА РБ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 457. Л. 23.

Павла (в Корсаковском селении), в честь вознесения Господня и Кударинская Благовещенская), а также часовня.

В рассматриваемое время жилищами кударинских бурят являлись бревенчатая юрта и дом русско-сибирского типа. Господствовавший полуоседлый образ жизни законсервировал выработанный ранее принцип сезонного использования этих типов жилья: зимой жили в домах, летом – в юртах. Но это было относимо не ко всем категориям населения, а к состоятельным. Землетрясение имело итогом обнищание части людей и появление бездомных, для которых острой необходимостью было возведение какого-нибудь жилья (обычно бревенчатой юрты). С другой стороны, рост крещеного населения в составе данной этнотерриториальной группы дал толчок домостроительству.

Анализ статистических данных показывает, что в жилищном фонде удельный вес деревянных юрт уменьшался, а домов возрастал: в 1870 г. у кударинских бурят было 1 187 деревянных юрт (75,4 % частных жилищ) и 388 домов (24,6 %); в 1876 г. – 888 деревянных юрт (58,3 %) и 635 домов (41,7 %); в 1889 г. – 932 деревянных юрт (53 %) и 838 домов (47 %).

Состоятельные кударинцы владели несколькими домами и юртами, как правило, новой постройки, стоимость которых была значительно выше, чем у большинства других бурят. Так, по сведениям за 1883 г., бывший главный тайша Владимир Хамаганов имел в собственности 2 дома, 1 флигель и 1 юрту, оцененные в 350 руб., Заяхан Хамаганов, также бывший главный тайша, – 1 дом и 4 юрты общей стоимостью 200 руб., Данило Хагдуев – 2 дома и 4 юрты стоимостью 250 руб. [9] Между тем рядовые буряты обычно были владельцами одной бревенчатой юрты, цена которой не превышала 1 руб., т. е. она представляла собой жилище довольно старой постройки.

В 1889 г. в ведомстве официально значилось 14 мастеров плотничьего ремесла [10]. Явный дефицит местных плотников приводил к тому, что строительство в основном велось силами приезжих.

Как видно из вышеизложенного, во второй половине XIX – начале XX в. на развитии жилищно-поселенческого комплекса у кударинских бурят негативно сказалось землетрясение, которое привело к исчезновению части улусов и заметной миграции населения. Следствием этого было появление в ведомстве Кударинской степной думы ряда новых поселений. В жилищно-поселенческом комплексе у кударинских бурят прослеживались тенденции, в рассматриваемое время также характерные для некоторых этнотерриториальных групп бурят Предбайкалья и Западного Забайкалья. В частности, общим было то, что по достижении определенной численности происходило отселение части населения из крупных улусов и образование дочерних поселений. В течение всего периода в структуре поселений у данной группы превалировали небольшие улусы. Заметен был также постепенный отказ от бревенчатой юрты в пользу русско-сибирского дома. Рост числа бревенчатых юрт обусловливался необходимостью быстрого решения жилищного вопроса после землетрясения 1862 г., а строительство домов стимулировала массовая христианизация местных бурят опять-таки вследствие упомянутой природной катастрофы. Состав населения в Кударинском ведомстве к концу XIX в. становился более смешанным за счет подселения представителей других бурятских родов и появления небольшого иноэтничного компонента. Новыми явлениями в развитии поселений были возникновение заимок, использование уличной планировки во вновь образованных улусах, рост числа строений религиозного и общественного назначения.

[9] НА РБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1071. Л. 35.

[10] Там же. Д. 1113. Л. 31.

Список литературы

Бадмаев А. А. Жилищно-поселенческий комплекс селенгинских бурят во второй половине XIX – начале XX в. // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 3: Археология и этнография. С. 348–354.

Басаева К. Д. Поселения и жилища аларских бурят (вторая половина XIX – начало XX в.) // Из истории хозяйства и материальной культуры тюрко-монгольских народов. Новосибирск, 1993. С. 52–89.

Бурятско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1973. 804 с.

Кроль М. О забайкальских бурятах // Записки Читинского отделения Приамурского отдела ИРГО. 1896. Вып. 1–3. С. 1–26.

Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. СПб.: Тип. Ш. Буссель, 1912. Т. 3: Иркутская губ., Забайкальская, Амурская, Приморская обл. и о. Сахалин. 1002 с.

Титов Е. В. Поселения и усадьбы татар Тарского Прииртышья середины XIX – начала XXI в.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Омск, 2008. 31 с.

Тучкова Н. А. Жилища и поселения южных селькупов как компоненты обжитого пространства (XIX–XX вв.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Томск, 1999. 22 с.

Список источников

НА РБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 749. Л. 39–62. «Годовой отчет думы за 1862 г.».

НА РБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 790. Л. 69. «Сведения о пострадавших инородцах Кударинского ведомства».

НА РБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 804. Л. 45. «Сведения о числе населенных местностей».

НА РБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1033. Л. 3–6 об. «Таблица № 54 “О распределении населения Кударинского ведомства по родам, селениям и улусам”».

НА РБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1071. Л. 33–50. «Сведения о недвижимом имуществе жителей ведомства, количестве земли, находившихся в пользовании».

НА РБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1113. Л. 31. «Таблица № 2 “О числе ремесленников за 1889 г.”».

НА РБ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 457. Л. 23. «Отчет о количественном составе жителей по вероисповеданию».

НА РБ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 478. Л. 20–21 об. «Указ Забайкальского областного правления о наделении землей бурят ведомства взамен затопленных во время землетрясения 1862 г.».

Материал поступил в редколлегию 24.02.2013

A. A. Badmaev

TRANSFORMATIONAL PROCESSES IN THE HOUSING AND SETTLEMENT COMPLEX OF KUDARA BURYATS IN THE SECOND HALF OF THE XIX – BEGINNING OF XX CENTURY

Subject of research are the changes that occurred in the second half of the XIX – beginning of XX century in the settlements and dwellings of Kudara Buryats, one of the ethnoterritorial groups of the Buryat people. Sources for the study served as archival and literary information, first of all, the materials of Fund «Kudarinskaya stepnaya duma» of National archive of the Republic of Buryatia, chronologically attributable to the second half of the XIX century. The article shows that the development of housing and settlement complex of Kudara Buryats affected by the earthquake 1862, which led to the disappearance of part of the regions and the noticeable migration of the population. In the housing and settlement complex of this group Buryats trends, in the time also characteristic for some ethnoterritorial groups of the Buryat people of the Baikal region and the Western Trans-Baikal. Common was the fact that after reaching a certain number of large regions was the resettlement of parts of the population, which formed subsidiaries settlements. During the second half of XIX – beginning of XX century in the structure of settlements of Kudara Buryats is dominated by small settlements. The author argues that the growth in the number of log yurt was due to the need of solving the housing problem after the earthquake, at the same time, construction of the houses has pushed the mass Christianization of the Kudara Buryats. New phenomena in the development of the settlements were: the emergence of the zaimks; the use of the street layout in the newly formed regions; increase in the number of buildings of religious and public buildings.

Keywords: Baikal region, the Buryats, ethnoterritoria group, the Kudara Buryats, transformation, housing and settlement complex.